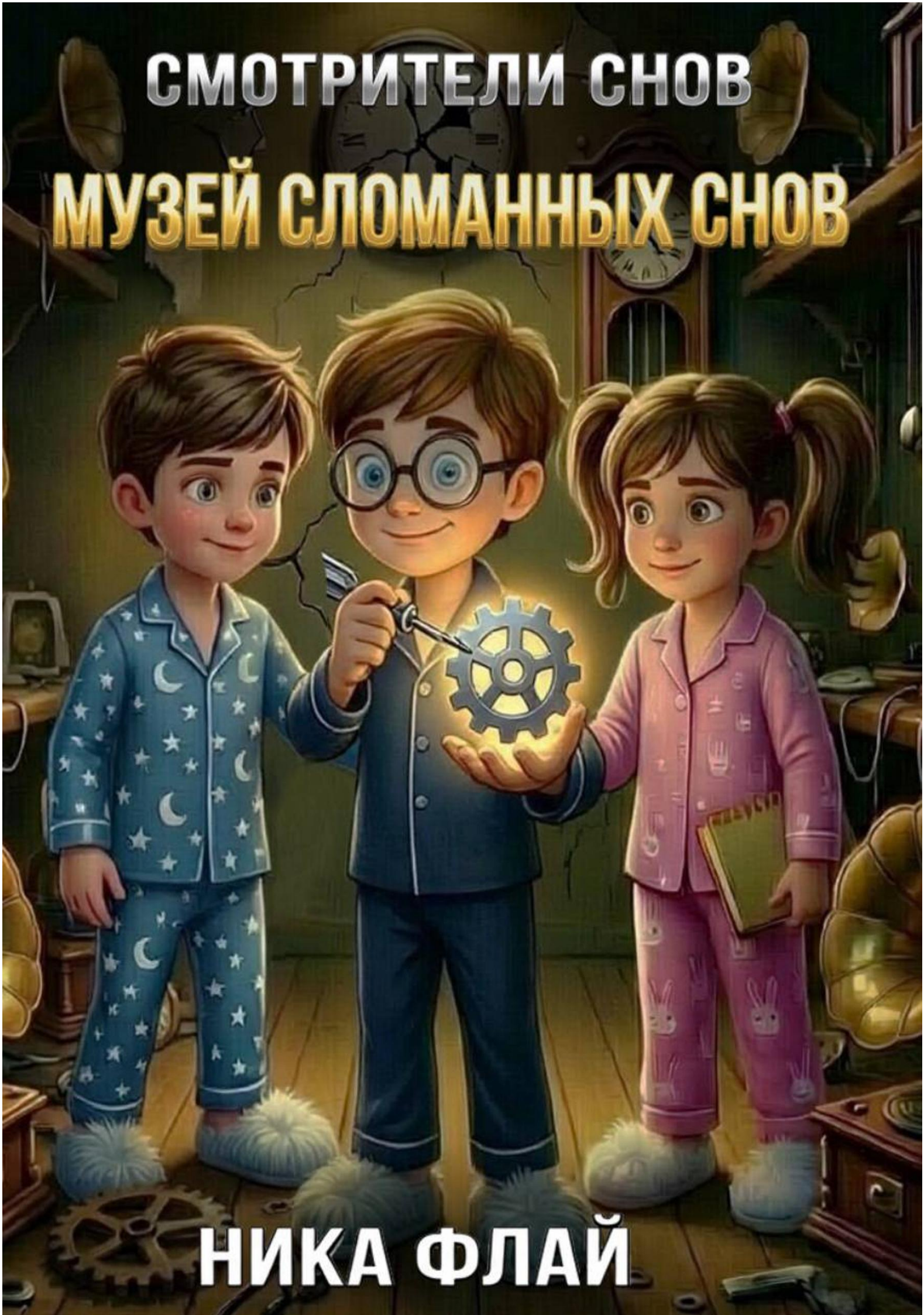
СМОТРИТЕЛИ СНОВ

МУЗЕЙ СЛОМАННЫХ СНОВ



НИКА ФЛАЙ

Смотрители снов

Ника Флай

Смотрители снов. Музей сломанных снов

«Автор»
2026

Флай Н.

Смотрители снов. Музей сломанных снов / Н. Флай — «Автор», 2026 — (Смотрители снов)

Что, если чувствовать себя "сломанным" — это нормально?Тимофей не видел снов три недели. Он забыл, как мечтать, как радоваться, как чувствовать себя нужным. Ему кажется, что он никому не нужен. Что он просто "странный мальчик, который чинит вещи".Но однажды его находят Миша и Люся — Смотрители снов. Они говорят: Тимофей — третий Смотритель. И без него Маяк не будет гореть вечно.Тимофей погружается в свой собственный сон — огромный заброшенный музей сломанных механизмов. Там его ждёт Тень Дремы — частица зла, которая питается его одиночеством. Чтобы победить её, Тимофею придётся не чинить механизмы, а принять себя. Со всеми страхами, сомнениями и болью.Это книга о том, что быть "сломанным" — не стыдно. Что настоящая сила — в умении просить о помощи. Что дружба лечит даже самые глубокие раны.Вторая книга захватывающей серии «Смотрители Снов». Продолжение приключений Миши, Люси и нового героя — Тимофея.

© Флай Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Мальчик, который не мечтает 5
Глава 2. Сердце сломанного сна 8
Глава 3. Тень за спиной 10
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Смотрители снов. Музей сломанных снов

Глава 1. Мальчик, который не мечтает

Тимофей проснулся от противного писка будильника. Звук казался слишком резким в тишине комнаты, словно кто-то скреб по стеклу ржавым гвоздём. Он лежал неподвижно, прислушиваясь к утренним звукам: монотонному тиканью часов, далёкому гулу машин за окном, приглушённому шуму чайника на кухне. Каждый звук был чётким, ясным... и невыносимо одиноким.

Медленно открыв глаза, Тимофей уставился в потолок. Белая поверхность с трещиной, похожей на высохшую реку, была ему так же хорошо знакома, как собственные ладони. Он мог нарисовать её с закрытыми глазами – каждую извивающуюся линию, каждый изгиб. Три недели он разглядывал эту трещину, засыпая и просыпаясь под её безмолвным взглядом.

Сны покинули его. Все до единого.

Двадцать одна ночь темноты, где даже кошмары отказались гостить.

Сев на кровати, он потянулся за очками. Стекло было холодным и гладким, когда он водрузил их на нос. Мир обрёл чёткость, стал резким, почти болезненным. Тимофей посмотрел на свои руки – тонкие пальцы механика, привыкшие к точности движений. Пальцы, которые могли починить любой механизм, но оказались бессильны перед пустотой его снов.

Воспоминания о вчерашнем дне нахлынули волной. Лавочка у школы, двое незнакомцев, их странные слова о том, что он – Смотритель. О том, что они могут помочь. Тимофей до сих пор не мог понять, было ли это реальностью или игрой уставшего разума.

«Смотритель» – слово царапало сознание, словно ржавая проволока. Оно звучало как приговор и обещание одновременно. Он помнил их последние слова: «Иди домой. Закрой глаза. Мы придём в твой сон».

Звонок мамы из кухни прервал его размышления:

– Тимофей, завтрак готов!

– Иду, – ответил он едва слышно, натягивая привычную маску безразличия.

Одеваясь, он поймал своё отражение в зеркале. Бледное лицо с тёмными кругами под глазами казалось чужим. Словно глядя на призрака, который забыл, как быть живым.

Завтрак прошёл как в тумане. Мама что-то говорила о погоде, о тёте Гале, о новом пылесосе. Тимофей кивал, но слова проходили мимо, не оставляя следа в душе.

– Ты сегодня как? – спросила мама, когда он надевал рюкзак.

– Нормально, – ответил он, избегая её взгляда.

– Опять плохо спал?

Внутри что-то дрогнуло. Он хотел рассказать ей всё – о пустоте ночей, о страхе перед темнотой, о странных незнакомцах. Но вместо этого выдавил:

– Спал нормально. Просто устал.

– Тебе что-то снилось? – её голос звучал так мягко, что хотелось закричать от бессилия.

Тимофей замер у двери. В голове промелькнуло воспоминание о вчерашних словах Миши и Люси. Они обещали, что сегодня всё может измениться.

– Да, – соврал он, – просто не помню.

Улица встретила его серым утром. Серые стены школы, серые лица одноклассников, серое небо над головой. Он шёл, уткнувшись в рюкзак, стараясь стать как можно незаметнее.

– Эй, Тимофей! – окрик заставил его обернуться. Двое из параллельного класса приближались, ухмыляясь.

– Опять домашку не сделал? – спросил один.

– Сделал, – ответил он, не поднимая глаз.

– Всегда делаешь, – фыркнул второй. – Как робот. Ты вообще человек?

Тимофей промолчал, ускоряя шаг. В спину полетел смех – горький, как полынь.

На уроке учительница вызвала его к доске. Он решал пример машинально, почти не думая. Правильно, конечно. Всегда правильно. Как автомат. Как тот, кем они его считали.

На перемене он стоял у окна, наблюдая за играющими детьми. Как они смеются, толкаются, кричат. Как живут, не задумываясь о том, что значит быть живым.

В отражении окна он увидел их – Мишу и Люсю. Они подошли бесшумно, словно призраки из его сна.

– Мы пришли, – сказал Миша. – Как и обещали.

Тимофей смотрел на них, не веря своим глазам. Вчера казалось шуткой, розыгрышем. Но они были реальны – с их искренними улыбками и горящими глазами.

– Вы правда здесь, – прошептал он.

– Мы всегда держим слово, – ответила Люся. – Мы знаем твою тайну. Знаем, что ты потерял сны. Но мы можем помочь их вернуть.

В груди что-то дрогнуло – маленькая искра надежды.

— Мы Смотрители, — добавил Миша. — Как и ты. Мы знаем, что ты не спишь. Мы знаем, что ты потерял свои сны. Мы можем помочь тебе вернуть их.

Тимофей чувствовал, как сердце забилось быстрее. Он хотел верить. Он так хотел верить.

— А если не получится? — спросил он.

— Получится, — сказала Люся. — Мы будем рядом. Мы поможем тебе. Ты только должен довериться нам.

Тимофей посмотрел на них. На их лица. На их глаза. Они не смеялись над ним. Они не шутили. Они верили в то, что говорили.

— Хорошо, — сказал он. — Что мне делать?

— Сегодня вечером ложись спать, — сказал Миша. — Закрой глаза и подумай о нас. Мы будем ждать тебя там. В мире снов.

— А если я не усну? — спросил Тимофей.

— Ты уснёшь, — сказала Люся. — Потому что ты уже почти проснулся. Настоящий ты. Тот, который ждёт внутри тебя.

Они улыбнулись и ушли.

Тимофей остался стоять у окна. Он смотрел на их удаляющиеся фигуры и чувствовал, как в груди зажглась маленькая, слабая искра. Она не горела, она просто теплилась. Как свечка на ветру.

Впервые за три недели он захотел уснуть.

Впервые за три недели он захотел увидеть сон.

Вечером он лёг в кровать, закрыл глаза. Долго лежал без движения. Потом прошептал:

— Миша... Люся... Я иду.

И мир провалился в темноту.

Но это была не пустая темнота.

Это была другая темнота. Она пахла пылью и старым деревом. Она была прохладной, влажной. И где-то вдали горел тусклый свет.

Тимофей открыл глаза.

Он стоял в огромном зале. Вокруг него — бесконечные ряды полок. На полках — механизмы. Часы, маятники, шестерёнки, музыкальные шкатулки. Старые, ржавые, сломанные.

Это был музей.

Огромный, заброшенный музей сломанных вещей.

Тимофей сделал шаг. Пол скрипнул. В воздухе кружилась пыль, оседая на плечи.

— Где я? — прошептал он.

Ему никто не ответил.

Он понял, что это его сон. Его собственный, сломанный, пыльный сон.

Глава 2. Сердце сломанного сна

Тимофей открыл глаза. Непривычная тишина давила на виски. Он лежал в своей кровати, но вокруг всё казалось чужим. Пустота окутывала его, как тяжёлое одеяло.

«Это мой сон», — прошептал он, но голос прозвучал глухо, словно из-под воды.

Он встал и огляделся. Огромный зал, бесконечные ряды полок, покрытые пылью механизмы. Каждый предмет хранил свою историю, свою боль. Тимофей чувствовал это каждой клеточкой своего существа.

Воздух пах старым деревом и металлом. Пах его одиночеством.

Он двинулся вперёд, осторожно ступая по скрипучему полу. Каждый шаг давался с трудом, будто ноги увязали в невидимом болоте.

На ближайшей полке стоял старый будильник. Тимофей взял его в руки. Он открыл заднюю крышку, и оттуда выпала маленькая пружинка. Тимофей поднял её, покрутил в пальцах, приставил на место. Он сделал это автоматически, как делал сотни раз дома. Его пальцы сами знали, что нужно делать.

Клик.

— Я могу тебя починить, — сказал он, и голос его обрёл уверенность.

Пружинка встала на место. Будильник ожил. Тихий, хриплый тик-так наполнил пространство вокруг.

Он поставил будильник обратно на полку и пошёл дальше. Он останавливался у каждого экспоната, трогал каждый механизм, рассматривал каждую деталь. Вот граммофон с оторванной иглой. Тимофей нашёл иглу на полу, прикрутил её обратно, и граммофон заиграл негромкую, потрескивающую мелодию.

Вот старые настенные часы с кукушкой. У них отвалилась дверца. Тимофей приложил её на место.

— Я могу починить всё, — прошептал он. — Я умею это делать. Я всегда умел.

Тимофей шёл по залу, и за его спиной просыпались к жизни старые механизмы. Граммофон заиграл едва слышную мелодию. Часы с кукушкой ожили, выпуская на волю маленькую деревянную птичку.

Он чувствовал, как с каждым починенным механизмом его сердце бьётся ровнее. Как возвращается к нему способность дышать полной грудью.

В центре зала возвышались огромные часы. Их корпус был покрыт трещинами, из которых сочился серый свет. Тимофей подошёл ближе, протягивая руку к стеклу.

— Ты — сердце моего сна, — прошептал он.

Но прежде чем он успел прикоснуться к механизму, услышал шаги. Лёгкие, почти невесомые.

В конце зала появились они — Миша и Люся. Их появление было таким же естественным, как восход солнца.

— Тимофей! — голос Миши разнёсся по залу, отражаясь от стен. — Мы знали, что ты придёшь!

Но страх, годами копившийся в душе, не давал покоя. Тимофей отступил.

— Зачем вы здесь? — его голос дрожал, выдавая внутреннюю борьбу.

— Мы пришли помочь тебе, — сказал Миша, делая ещё один шаг. — Твой сон сломан. Но мы можем починить его вместе.

— Я не просил помощи, — ответил Тимофей. — Я могу справиться сам.

Он отошёл ещё на шаг. Его взгляд заметался по залу: выходы, коридоры, темнота. Он хотел убежать. Он хотел спрятаться, как прятался всю свою жизнь.

— Тимофей, подожди! — крикнула Люся, протягивая руку. — Мы не хотим тебя обидеть! Мы просто хотим тебе помочь!

Но Тимофей уже развернулся и побежал.

Он бежал по коридорам музея, мимо полок с механизмами, мимо оживающих часов. За спиной слышались голоса друзей, но он не останавливался.

Сердце колотилось в груди. Он не знал, почему бежит. Просто знал — ему нельзя доверять. Нельзя позволять себе надеяться.

И вдруг он увидел дверь. Старую, дубовую, с большой бронзовой ручкой.

Он толкнул её.

Внутри была комната. Маленькая, круглая, без окон. В центре комнаты стояло зеркало.

Тимофей подошёл к нему.

Он ожидал увидеть своё отражение — бледное, испуганное лицо, растрёпанные волосы, дрожащие руки. Но вместо отражения он увидел тьму.

В зеркале клубилась серая тьма, которая двигалась, дышала, пульсировала. И из этой тьмы на него смотрели две бледные точки — глаза. Они были бездонными, пустыми, и они не мигали.

Тимофей хотел отшатнуться, но ноги не слушались. Он смотрел в глаза и не мог отвести взгляд.

А потом тьма в зеркале шевельнулась. Она начала вытекать из стекла — медленно, тягуче, как патока. Она тянула к нему свои серые руки.

— Тимофей... я знаю тебя... ты одинок... ты всегда будешь один...

Тимофей закрыл глаза и закричал.

— НЕТ!

Миша и Люся появились вовремя. Их появление было лучом света в темноте.

— Тимофей! — закричал Миша. — Отойди от зеркала!

Люся подбежала к нему, схватила за плечо и резко дёрнула назад. Тимофей отлетел от зеркала, упал на колени и открыл глаза.

Тень в зеркале зашипела. Она съёжилась, свернулась в клубок и исчезла, как будто её и не было.

— Это Тень Дремы, — сказал Миша. — Она питается твоими страхами.

Тимофей упал на колени, задыхаясь от слёз. Впервые за долгое время он позволил себе плакать.

— Ты не один, — сказала Люся, протягивая руку. — Мы с тобой.

И в этот момент что-то внутри Тимофея надломилось. Не от страха, а от понимания — он больше не хочет быть один.

Глава 3. Тень за спиной

Тимофей сидел на холодном полу, обхватив колени руками. Его сердце колотилось как безумное, а в груди поселилась тяжёлая, давящая пустота. Он чувствовал себя маленьким и беспомощным, как никогда прежде.

— Ты как? — голос Миши звучал непривычно мягко, почти нежно.

Тимофей поднял глаза. Слёзы высохли, оставив на щеках солёные дорожки. Он быстро вытер их рукавом, стараясь скрыть свою слабость.

— Я... я не знаю, — прошептал он, голос дрожал, словно осенний лист на ветру. — Что это было?

— Это Тень Дремы, — ответила Люся, присаживаясь рядом. Её глаза светились странным внутренним светом. — Помнишь, мы говорили о Дреме? Она оставила в мире снов своё тёмное наследие.

Тимофей сглотнул ком в горле.

— Она питается моими страхами?

— Не только страхами, — Миша наклонился ближе. — Она питается одиночеством, сомнениями, неуверенностью. Всем, что делает тебя уязвимым.

Тимофей опустил взгляд на свои руки — тонкие, с длинными пальцами, привыкшими к точности движений. Ему вдруг отчаянно захотелось, чтобы в этих руках сейчас оказалась отвёртка или пинцет.

— Я не умею сражаться, — признался он. — Я всего лишь механик.

— А кто сказал, что герой должен быть воином? — Люся улыбнулась, но в её глазах читалась серьёзность. — Иногда самый важный бой — это битва с самим собой.

Тимофей поднял на неё глаза.

Внезапно музей содрогнулся. Сначала едва заметно, потом всё сильнее. Глухой рокот прокатился по коридорам, заставляя механизмы на полках дрожать.

— Что происходит? — в голосе Тимофея прорезалась паника.

— Тень чувствует твою неуверенность, — Миша поднялся на ноги. — Пока ты сомневаешься — она становится сильнее.

— Я не сомневаюсь! — возразил Тимофей, но в его голосе не было уверенности.

— Ты сомневаешься, — сказала Люся. — В каждом твоём слове — сомнение. Она питается этим. Тимофей, если ты не поверишь в себя — она победит. Она заберёт твой сон навсегда.

БАМ!

Из темноты в конце зала начала подниматься серая фигура. Она росла, ширилась, заполняя пространство своим присутствием. Вместо лица — зияющая пустота, вместо рук — тонкие, похожие на корни пальцы.

— Нам нужно к часам! — крикнул Миша. — Это сердце твоего сна!

Они бросились бежать. Коридоры музея проносились мимо них, как кадры старой плёнки. Тимофей спотыкался, но Люся держала его крепко, не давая упасть. Он видел, как за спинами его новых друзей, в темноте, расползаются серые щупальца. Они тянулись за ними, касались стен, оставляя на них дымящиеся следы.

— Не оборачивайся! — крикнул Миша, перепрыгивая через упавший стеллаж. — Беги вперёд!

Тимофей не оборачивался. Он просто бежал, чувствуя, как лёгкие горят, а сердце колотится где-то в горле.

Они влетели в центральный зал.

Часы стояли на своём месте. Но они изменились. Теперь они были покрыты трещинами, которые расползались по корпусу, как паутина. Из трещин сочился серый свет, и воздух вокруг них дрожал, как над раскалённым асфальтом.

— Она пытается их разрушить! — воскликнула Люся. — Если часы падут — твой сон исчезнет навсегда!

Тимофей замер перед механизмом. Его пальцы дрожали, но в душе разгорался огонь решимости.

— Я должен это сделать, — прошептал он. — Должен поверить.

Тень наступала, её голос звучал в голове:

— Ты не справишься... ты всегда один... они уйдут... все уходят...

— Замолчи! — закричал Тимофей. — Я больше не верю тебе!

Миша направил на Тень свет своего фонаря-ракеты. Синий луч ударил в серую массу, заставив её отступить.

— Вспомни, кто ты! — крикнула Люся. — Ты — Смотритель!

Тимофей закрыл глаза. Он вспомнил слова дедушки, свои первые починки, веру в себя.

— Я нужен, — прошептал он. — И я верю.

Часы начали тикать. Сначала тихо, потом всё громче. Серый налёт начал исчезать, трещины затягиваться. Стрелки дрогнули и сдвинулись на секунду вперёд.

Тень взревела. Она рванулась вперёд, пытаясь пробить световой барьер, который держал Миша. Её щупальца хлестали по воздуху, задевали стены, сбивали полки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.